

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА



Евгений Пермяк
**НА ВСЕ ЦВЕТА
РАДУГИ**



Школьная библиотека (Детская литература)

Евгений Пермяк

На все цвета радуги (сборник)

Издательство «Детская литература»

2014

Пермяк Е. А.

На все цвета радуги (сборник) / Е. А. Пермяк — Издательство «Детская литература», 2014 — (Школьная библиотека (Детская литература))

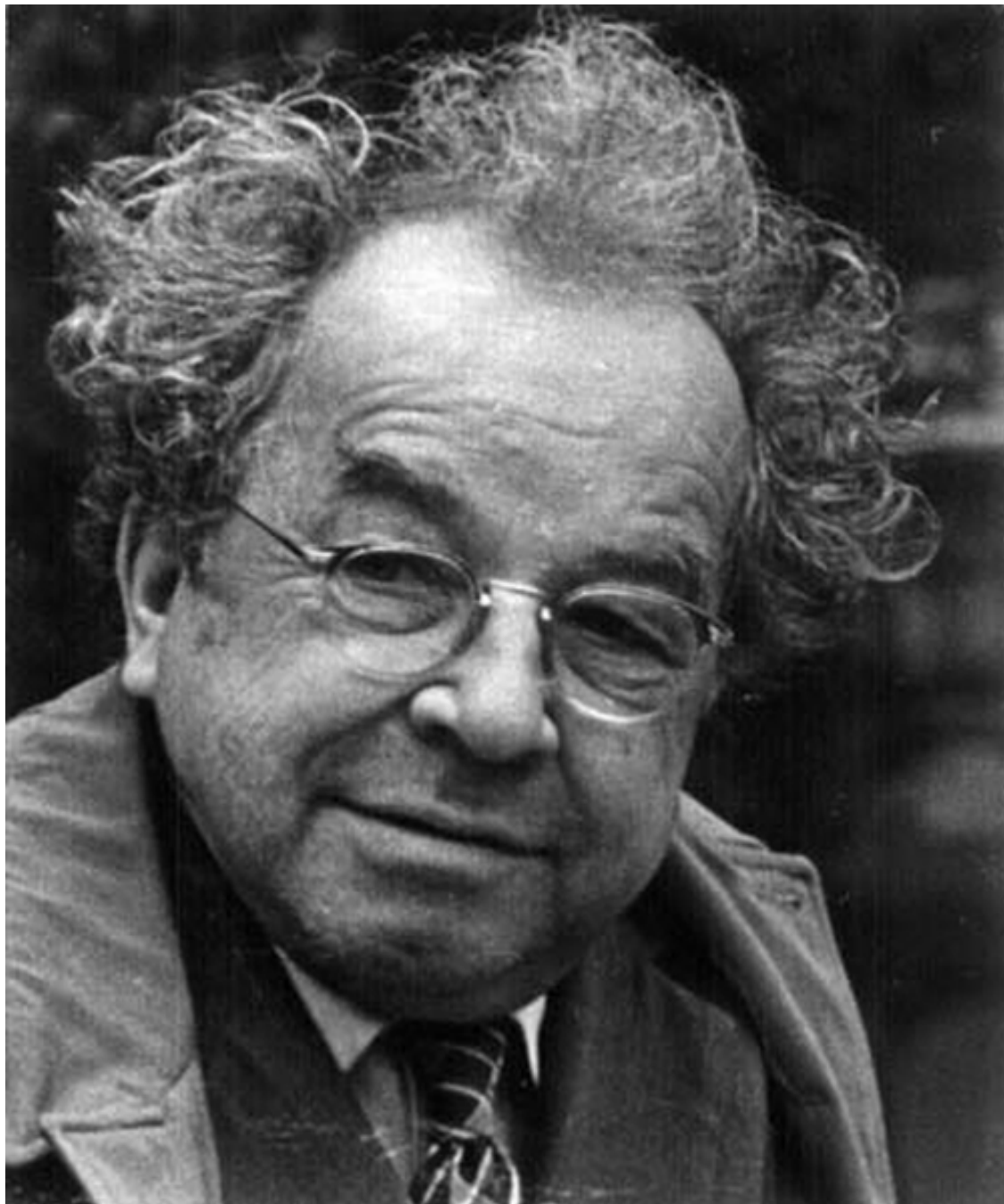
В книгу вошли лучшие рассказы и сказки для школьников, созданные писателем в разные годы его творческой жизни. Для среднего школьного возраста.

© Пермяк Е. А., 2014
© Издательство «Детская
литература», 2014

Содержание

Здравствуй!	7
Пичугин мост	8
Надёжный человек	10
Пичугин мост	12
Знакомые следы	13
За что?	14
Самое страшное	15
Про Вову и кошку	16
Двойка	18
Дудилка	19
Бумажный змей	21
Сёма и Сеня	22
Тараканий охотник	24
Славка	26
Смородинка	28
Чижик-Пыжик	29
Первый лук	31
Обманное озеро	33
Мама и мы	36
Набольший	40
Толковый мальчик	43
Разные цветы	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Евгений Андреевич Пермяк
На все цвета радуги
Рассказы и сказки



Евг. Пермяк-

1902–1982

Здравствуй!

Дорогой юный друг, с каждой новой книгой появляются у тебя новые знакомые. Найдёшь ты их и здесь. Разные это люди. Хорошие и не очень хорошие... такие, на которых ты, наверно, не захочешь походить. А вот кто какой – можно узнать, только прочитав книгу. Внимательно. Не торопясь. Потому что торопливый читатель и хорошего может принять за плохого.

В этой книжке много рассказов и сказок. Разных и всяких. Весёлые и грустные истории. О прилежных ребятах и лодырях. О мелких мелочах и больших делах. О счастливых увлечениях и печальных злоключениях... Всего не переберёшь, пока не прочтёшь. Для того и рассказы пишутся, чтобы их читать...

Одним словом, приглашаю тебя в мою новую книжку. Читай! Вдруг да ты узнаешь о том, что тебе захочется повторить, или наоборот. Начинать можешь с любого рассказа. С первого, с третьего, с двенадцатого. Каждый рассказ сам по себе, своей жизнью живёт, хотя и в одной обложке... Ну, да ты без меня разберёшься, что к чему, и решишь, кого брать тебе в свои знакомые, а кого нет... Буду очень рад, если моя книжка не заставит тебя скучать...

С уважением к тебе, мой самый главный друг. Без тебя ведь я, ну, как бы тебе сказать... Вообще, просто-напросто пишущий человек, а с тобой – читаемый, а это самое главное из самого главного в моей работе и жизни...

Желаю тебе здоровья, благополучия и хороших отметок.

Евг. Пермяк

1977 год

Пичугин мост





Надёжный человек



На первой парте и в первом классе сидел сын отважного лётчика-испытателя Андрюша Рудаков. Андрюша был крепким и смелым мальчиком. Он всегда защищал тех, кто послабее, и за это все в классе любили его.

Рядом с Андрюшей сидела маленькая худенькая девочка Ася. То, что она была маленькая и слабая, ещё можно было простить, но то, что Ася была труслива, – с этим Андрюша никак не мог примириться. Асю можно было испугать, сделав ей страшные глаза. Она боялась каждой встречной собачонки, убегала от гусей. Даже муравьи и те её страшили.

Очень неприятно было Андрюше сидеть на одной парте с такой трусихой, и он всячески старался избавиться от Аси. А её не пересаживали.

Однажды Андрюша принёс в стеклянной банке большого паука. Увидев страшилище, Ася побледнела и тут же перебежала на другую парту.

С этого и началось... Два дня Ася сидела одна, и учительница Анна Сергеевна будто не замечала этого, а на третий день она попросила Андрюшу остаться после уроков.

Андрюша сразу догадался, в чём дело, и, когда все ушли из класса, он, чувствуя себя виноватым, смущённо сказал учительнице:

– Я ведь не зря принёс паука. Я хотел приучить Асю ничего не бояться. А она опять испугалась.

– Что ж, верю тебе, – сказала Анна Сергеевна. – Кто как умеет, тот так и помогает расти своим товарищам, а я тебя позвала, чтобы рассказать одну маленькую историю.

Она усадила Андрюшу на его место за партой, а сама села рядом – на Асино.

– Много лет назад в этом же классе сидели мальчик и девочка. Сидели так же, как сейчас сидим мы. Мальчика звали Вовой, а девочку – Аней. Аня росла болезненным ребёнком, а Вова рос сильным и здоровым мальчуганом. Аня часто хворала, и Вове приходилось помогать ей учить уроки. Однажды Аня поранила гвоздём ногу. Да так поранила, что не могла приходить в школу: ни башмак нельзя было надеть, ни валенок. А шла уже вторая четверть. И как-то Вова пришёл к Ане и сказал: «Аня, я тебя буду возить в школу на саночках». Аня обрадовалась, но запротивилась: «Что ты, что ты, Вова! Это будет очень смешно! Над нами будет хохотать вся школа...» Но настойчивый Вова сказал: «Ну и пусть хохочут!» С этого дня Вова ежедневно привозил и отвозил на саночках Аню. Сначала ребята смеялись над ним, а потом сами стали помогать. К весне Аня поправилась и смогла вместе со всеми ребятами перейти в следующий класс. На этом я могу закончить рассказ, если тебе не захочется узнать, кем стали Вова и Аня.

– А кем? – нетерпеливо спросил Андрюша.

– Вова стал прекрасным лётчиком-испытателем. Это твой отец Владимир Петрович Рудаков. А девочка Аня теперь твоя учительница Анна Сергеевна.

Андрюша опустил глаза. Так просидел он за своей партой долго. Он живо представил саночки, девочку Аню, которая теперь стала его учительницей, и мальчика Вову, своего отца, на которого ему так хотелось походить.

Наутро Андрюша стоял у крыльца дома, где жила Ася. Ася, как всегда, появилась со своей бабушкой. Она боялась ходить в школу одна.

– Доброе утро, – сказал Андрюша Асиной бабушке. Потом поздоровался с Асей. – Если хочешь, Ася, пойдём в школу вместе.

Девочка испуганно посмотрела на Андрюшу. Это он нарочно говорит так приветливо, от него можно ожидать всего. Но бабушка заглянула в глаза мальчику и сказала:

– С ним тебе, Асенька, будет сподручнее, чем со мной. Он и от собак отобьётся, и мальчишкам в обиду не даст.

– Да, – тихо, но очень твёрдо сказал Андрюша.

И они пошли вместе. Они шли мимо незнакомых собак и шипящих гусей. Они не уступили дорогу бодливому козлу-задире. И Асе не было страшно.

Рядом с Андрюшей она вдруг почувствовала себя сильной и смелой.

Пичугин мост

По пути в школу ребята любили разговаривать о подвигах.
– Хорошо бы, – говорит один, – на пожаре ребёнка спасти!
– Даже самую небольшую щуку поймать – и то хорошо, – мечтает второй. – Сразу про тебя узнают.

– Лучше всего на Луну полететь, – говорит третий мальчик. – Тогда уж во всех странах будут знать.

А Сёма Пичугин ни о чём таком не думал. Он рос мальчиком тихим и молчаливым.

Как и все ребята, Сёма любил ходить в школу короткой дорогой через речку Быстрянку. Эта маленькая речка текла в крутых бережках, и перескакивать через неё было очень трудно.

В прошлом году один школьник не доскочил до того берега и сорвался. В больнице даже лежал. А этой зимой две девочки переходили речку по первому льду и оступились. Повымокли. И тоже крику всякого было много. Ребятам запретили ходить короткой дорогой. А как длинной пойдёшь, когда короткая есть!

Вот и задумал Сёма Пичугин старую ветлу с этого берега на тот уронить. Топор у него был хороший. Дедушкой точенный. И стал он рубить им ветлу.

Нелёгким оказалось это дело. Уж очень была толста ветла. Вдвоём не обхватишь. Только на второй день рухнуло дерево. Рухнуло и легло через речку.

Теперь нужно было обрубить у ветлы ветви. Они путались под ногами и мешали ходить. Но когда обрубил их Сёма, ходить стало ещё труднее. Держаться не за что. Того гляди, упадёшь. Особенно если снег.

Решил Сёма приладить перильца из жердей.

Дед помог.

Хороший мостишко получился. Теперь не только ребята, но и все другие жители стали ходить из села в село короткой дорогой. Чуть кто в обход пойдёт, ему обязательно скажут:

– Да куда ты идёшь за семь вёрст киселя хлебать! Иди напрямик через Пичугин мост.

Так и стали его называть Сёминой фамилией – Пичугин мост. Когда же ветла прогнила и ходить по ней стало опасно, колхоз настоящий мосток перекинул. Из хороших брёвен. А название мосту осталось прежнее – Пичугин.

Вскоре и этот мост заменили. Стали спрямлять шоссейную дорогу. Прошла дорога через речку Быстрянку, по той самой короткой тропинке, по которой ребята бегали в школу.

Большой мост возвели. С чугунными перилами. Такому можно было дать громкое название.

Бетонный, скажем... Или какое-нибудь ещё. А его все по-старому называют – Пичугин мост. И никому даже в голову не приходит, что этот мост можно назвать как-то по-другому.

Вот оно как в жизни случается.

Знакомые следы

Никишин дедушка был садоводом в колхозе. А в свободное время любил на охоту ходить. Хорошим он был охотником. Все тайны лесные знал.

Как-то показывал он своему внуку следы в лесу. Показывал да приговаривал:

– Век живи, век учись и во всё вникай. Никакое знание человеку во вред не бывает.

А Никиша слушал да думал про себя: «Все старики любят ребят поучать. Ну зачем мне звериные следы знать, когда я машинистом стать собираюсь. Электрические поезда водить». О поездах только и думал Никиша. Каждый болтик, каждую мелочь на электровозе разглядывал. Ребята тоже бегали вместе с ним на поезда смотреть.

Довелось как-то им возвращаться со станции в своё село прямой дорогой через лес. Ближе и веселее. Хорошо бежится по первому снегу. А на снегу множество всяких следов. Какой чей след, ребята не знают, а бегают по ним. Вдруг да лисицу увидят или дикого козлика. С зайцем и то неплохо встретиться. Бегали так они, бегали по следам да и заблудились. Испугались ребята. Кое-кто даже слезу пустил.

– Это твоя затея, Никиша... Как мы теперь выберемся, когда все тропинки снегом засыпало?

Молчит Никиша, не оправдывается. Думает, как ребят на дорогу вывести. Кричать стал. Да кто услышит его в глухом зимнем безлюдном лесу!

И вдруг Никиша увидел знакомые следы. Из всех следов, которые ему дед показал, он только эти запомнил.

– Ура, ребята! – крикнул Никиша. – Идите за мной.

Долго шли ребята по этим следам и вышли к жилью. К лесниковой сторожке. А от сторожки до села наезженная дорога. И ночью не заблудишься.

– По каким же таким следам ты нас вывел? – спросили ребята Никишу.

– По собачьим, – ответил он. – Собачьи следы всегда к жилью выводят. Сколько ни бегают собака по лесу – обязательно домой прибежит. Так дедушка меня учил.

Домой Никиша пришёл усталый, но счастливый. Улучив минутку, он обнял дедушку и принялся что-то шептать ему на ухо.

Наверное, спасибо говорил милому дедушке.

За что?

Первоклассник Юра Ковров был очень счастлив: ему подарили в красивой клетке нарядную птицу – клёста. Клёст оказался утрюмым и молчаливым. Правда, он изредка выкрикивал какие-то тоскливые два звука.

– Какие?

– Кто знает какие, – отвечал Юре отец, – если бы приехал дядя Вася, сказал бы. Ему, лесничему, известен разговор всех лесных птиц.

И надо же было такому случиться – дядя Вася приехал и сказал:

– Твой клёст, Юрочка, задаёт один и тот же вопрос.

– Какой?

– За что?

Юра не понял и переспросил:

– Что значит «за что»?

– Не знаю, Юрочка, но думаю, что клёст не очень доволен своей новой квартирой в клетке.

Юра задумался, потом сказал:

– Не выпускать же клёста зимой... Он может замёрзнуть...

– Да нет, Юрочка, – не согласился дядя. – Клёсты наши зимние птицы и даже в студёные месяцы выводят птенцов. Может быть, и у твоего клёста остались голодные малыши...

Юра в этот вечер долго не мог уснуть. А уснув, отчётливо слышал: «За что? За что?» А потом это же повторилось несколькими тонкими голосами в гнезде. Юра увидел маленьких голеньких клёстят. Они открывали клювики. Им явно хотелось есть.

Рано проснулся Юра и нетерпеливо ждал начала позднего рассвета. А дождавшись, взял клетку, открыл форточку и выпустил клёста.

Клёст, как никогда до этого, произнёс какие-то непонятные птичьи слова. Но Юра, не знавший птичьего языка, правильно понял их: «Спасибо, Юра!» Дядя Вася подтвердил это.

С тех пор Юра никогда не держал в клетке ни летних, ни зимних птиц. И если у кого-то видел птицу, заточённую в клетку, всегда спрашивал: «За что?»

Самое страшное

Вова рос крепким и сильным мальчиком. Все боялись его. Да и как не бояться такого! Товарищей он бил. В девочек из рогатки стрелял. Взрослым рожи строил. Собаке Пушку на хвост наступал. Коту Мурзею усы выдёргивал. Колючего ёжика под шкаф загонял. Даже своей бабушке грубил.

Никого не боялся Вова. Ничего ему страшно не было. И этим он очень гордился. Гордился, да недолго.

Настал такой день, когда мальчики не захотели с ним играть. Оставили его – и всё. Он к девочкам побежал. Но и девочки, даже самые добрые, тоже от него отвернулись.

Кинулся тогда Вова к Пушку, а тот на улицу убежал. Хотел Вова с котом Мурзеем поиграть, а кот на шкаф забрался и недобрыми зелёными глазами на мальчика смотрит. Сердится.

Решил Вова из-под шкафа ёжика выманить. Куда там! Ёжик давно в другой дом жить перебрался.

Подошёл было Вова к бабушке. Обиженная бабушка даже глаз не подняла на внука. Сидит старенькая в уголке, чулок вяжет да слезинки утирает.

Наступило самое страшное из самого страшного, какое только бывает на свете: Вова остался один.

Один-одинёшенек!

Про Вову и кошку

Мне уже не раз приходилось вспоминать историю, которая произошла в семье знаменитого сказочника Павла Петровича Бажова, создавшего бессмертную «Малахитовую шкатулку». А теперь мне захотелось написать об этом домашнем происшествии самостоятельно живущий рассказ.

Вот он.

В годы войны у Павла Петровича жил и воспитывался его шестилетний внук Вова. Вова рос пытливым, но довольно озорным мальчиком. За ним, как говорили в доме Бажовых, нужны глаза да глазки, чтобы малец не напраказничал, не натворил самое неожиданное.

Однажды Вове пришло в голову не просто неожиданное, а невероятное. Он опустил вниз головой в трубу горящего самовара кошку.

Кошка с опалёнными усами и обожжённой мордой стремительно метнулась на шкаф. Она невыносимо громко и душераздирающе кричала, другого слова и не подобрёшь. Она будто требовала защиты.

Вова перепугался. Он явно не ожидал этого.

Хотя ожоги были не такими уж страшными, всё же Вовка заслуживал хорошей трёпки. Этого я и ждал от Павла Петровича. Он же, будто не заметив случившегося, ничего не сказал. Ни одного слова.

Мне было неудобно вмешиваться и что-то советовать человеку намного старше меня. Тем более неуместно было предлагать наказание.

Наказание пришло на другой день. И какое? Самое неожиданное. Павел Петрович всего-навсего вывесил под потолком лист бумаги, назвав его «стенгазетой». В ней кратко крупными буквами излагалось совершённое злодеяние и называлось имя виновника.

Сначала такому внушению никто не придал значения. И тот же Вова говорил:

– Подумаешь... Дедушка газету вывесил... Кто её читать будет?...

Вскоре же оказалось, что всякий проходящий читал эту «газету». Читал и громко сокрушался: «Неужели такой хороший мальчик до этого дошёл...» И начинались рассуждения, сожаления минут на двадцать. А Вова прятался за шкафом и слушал, что говорят о нём. Я думаю, это было не лёгкое для мальчика слушание.

Вова и я находились в приятельских отношениях. Я любил проказника. И всё же меня настораживал поступок с кошкой. Заметив, что моё отношение несколько изменилось к нему, он однажды подошёл ко мне и сквозь слёзы сказал:

– Я всё понял, но не знаю, что теперь делать... Никто не жалеет меня.

Мальчик так искренне огорчился, так чистосердечно винил себя, что я решил выступить его защитником.

При нём и при всех, кто был дома, я обратился с большой речью к Павлу Петровичу. С такой речью, которая раскрывала бессердечие некоторых детей, не знающих, что такое жестокость. Как настоящий судейский защитник, как адвокат, я приводил самые наглядные примеры. Я обращался даже к кошке, тёршейся у моих ног, настаивая о помиловании обвиняемого, которое он заслуживает не только потому, что раскаялся, но и потому, что преступление совершено им впервые и по малолетству. Речь я кончил такими словами:

– Дорогой Павел Петрович, вы же не только справедливый судья, но и любящий дед вашего перестрадавшего за эти дни внука. Снимите, пожалуйста, эту страшную стенную газету!

– Хорошо, – согласился Павел Петрович, – я сниму её, чтобы не позорить далее честное имя Владимира. Он, как я заметил, стал очень внимателен к выздоравливающей кошке. Но... – поднял Бажов указательный палец, – при условии, если вы письменно поручитесь за него.

Далее началось составление, написание, прочтение поручительского обязательства, которое я подписал.

– Смотрите же, – строго сказал милейший и добрейший Павел Петрович, – вы ручались, с вас и будет самый строжайший спрос...

Газета была торжественно сожжена мною в трубе того же самовара.

Вова после этого отдавал кошке колбасные кожурки, рыбные объедки, не прогонял её, когда эта надоедливая баловница мешала ему. Он проникся уважением и ко мне, почтительно разговаривая теперь со мною на «вы».

Двойка

На школьном дворе жила кудлатая собачонка. Её звали Двойка. Почему ей дали такую кличку, никто не знал.

Только все знали, что малыши обижали её.

– Ах ты, негодная Двойка!.. Вот тебе!.. Вот тебе!..

В Двойку бросали камни, загоняли её в кусты. Она жалобно скулила.

Однажды учительница Мария Ивановна увидела это и сказала:

– Разве можно плохо относиться к собаке только за то, что у неё плохое имя? Мало ли кому на свете даны плохие имена. Ведь не по ним судят, а по тому, кому они принадлежат.

Малыши смолкли. Призадумались над этими словами. А потом приласкали Двойку и угостили её кто чем мог. Вскоре оказалось, что Двойка очень хорошая и понятливая собачонка. Её даже хотели назвать Пятёркой, но одна девочка сказала:

– Ребята, разве дело в названии?...

Дудилка

Маленькому Васятке очень хотелось попасть в оркестр при Дворце культуры своего совхоза, а его не принимали.

– Тебе ещё семи нет, и ты не только ни одной ноты не знаешь, но и читать не умеешь.

– Зато я умею играть, – защищался Васятка и показывал свою самодельную флейту из тростника.

Её смастерил дедушка и научил внука игре на ней.

Мальчонку гладили по головке и добродушно смеялись над ним:

– Да кому же нужна твоя игра на писклявой дудилке! Что это за музыкальный инструмент! Один визг.

– Зато, – настаивал Васятка, – я могу сыграть на ней такое, чего никто не играет.

На Васятку махнули рукой и перестали обращать на него внимание.

Мальчику было очень обидно. Ему так хотелось, чтобы послушали его игру. Он даже плакал тайком, а дедушка утешал его:

– Не горюй, мой маленький соловушка. Играй себе да играй. Я тебе новую, громкую дудилочку сделаю, на все лады. Придёт время, может быть, тебя сами позовут в оркестр. Играй знай. Высвистывай то, что тебе хочется. Не пропадёт твоё старание.

Васе, конечно, были приятны дедушкины утешения, но всё же верить им не очень хотелось. А играть Васятка не переставал. И особенно хорошо получалось у него на новой дудилке. Звонко звучала она. Чистый был у неё голосок, и всякие самые разные на ней переливы можно было выигрывать.

Так играл Вася до школы, а потом, поступив в школу, тоже не забросил своей игры.

Однажды он играл, забравшись на дерево. Коли дедушка называет его соловушкой, то на дереве играть в самый раз.

Разыгравшись, закрыв глаза, Вася не заметил, что под деревом остановился приезжий пожилой человек и с замиранием слушал его игру. Слушал долго, так долго, что даже устал стоять и сел под деревом.

Когда Вася спрыгнул на землю, он очутился лицом к лицу с неизвестным седым, очень красивым, похожим на артиста дяденькой.

Он спросил:

– Милый ты мой, кто тебя научил такой игре?

– Да никто. Сначала дедушка, а потом сам начал играть...

– Сам? А кто тебе придумывает то, что ты играешь? Не сам же?

– Нет, конечно... – ответил Вася. – Наверно, слышал где-то, но получается это у меня как-то само собой, когда я закрываю глаза.

В этот же день Вася оказался у седого незнакомца в гостинице и там играл ему. Так играл, что прослезил своего слушателя. И тот обнял его. Обнял и сказал:

– Вася, да ты же композитор!

– Кто? – переспросил мальчик.

– Композитор, – повторил тот, – что значит сочинитель музыки. Пока ещё будущий, – поправился незнакомый красивый седой человек, – но несомненный и настоящий.

В совхозе, где жил Васятка с дедушкой, ахнули, узнав от приезжего знаменитого музыканта о такой похвале. И ещё больше удивились не только в совхозе, но и во Дворце культуры, когда пришло из Москвы приглашение в музыкальное училище. Вася приглашался вместе с дедушкой. Как он мог расстаться с ним, да кто бы разлучил их.

А дальше... Дальше шло очень хорошо. Очень. Но не в этом дело. А дело в том, что многие, очень многие люди, не в одном только совхозе, где жил Васятка, поняли, как важно разглядеть дарование в самом раннем возрасте. И не только музыкальное дарование, а всякое другое... Ведь в любом деле оказываются свои соловьи-соловушки, самоцветные камушки – свои будущие мастера.

Бумажный змей

Хороший ветерок подул. Ровный. В такой ветер бумажный змей высоко летает. Туго нитку натягивает. Весело мочальный хвост развевает. Красота!

Задумал Боря своего змея сделать. Лист бумаги у него был. И дранки он выстрогал. Да недоставало мочала на хвост да ниток, на которых змея пускают.

А у Сёмы большой моток ниток был. Ему есть на чём змея пускать. Ему бы лист бумаги да мочала на хвост достать, тоже бы своего змея запустил.

Мочало у Пети было. Он его давно для змея припас. Ниток только ему не хватало да бумажного листа с дранками.

У всех всё есть, а у каждого чего-нибудь да не хватает.

Сидят мальчики на пригорке и горюют. Боря свой лист с дранками к груди прижимает. Сёма свои нитки в кулак зажал. Петя своё мочало за пазухой прячет.

Хороший ветерок дует. Ровный. Высоко в небо другие ребята змея запустили. Весело он мочальный хвост развевает. Туго нитку натягивает. Красота!

Боря, Сёма и Петя тоже бы такого змея могли запустить. Даже лучше. Только дружить они ещё не научились – вот в чём беда.

Сёма и Сеня

Сёма и Сеня – товарищи. Они ещё до школы дружили. И теперь всегда вместе. Надёжные октябрята. Им даже телят доверяли. Вообще они в Новоцелинном совхозе были на хорошем счету.

Вот и на этот раз им сторожить поручили почти тысячу кур, потому что время было страдное, уборочное. Жара в степи. Сушь кругом. Зерно, того и гляди, осыпаться начнёт. Все взрослые работали день и ночь, чтобы скорее убрать хлеб. Даже птичницы вышли в поле. Вот и пришлось Сёму с Сеней добровольцами взять.

Как ни убирай аккуратно урожай, а всё равно кое-какие зёрна из колосьев осыпаются. Не пропадать же им. Вот и выгоняют кур на сжатое поле кормиться – зерно подбирать.

Старшим над октябрятами поставили пионера Гаврюшу Полозова. Хороший был мальчик. В совет отряда его уже три раза выбирали. И младших он любил. Не задирался.

Сёма и Сеня тоже любили своего старшего товарища. Слушались его как главного начальника над ними и над курами. Разговаривали с ним о своих делах и, конечно, о том, как бы поскорее им стать пионерами.

Гаврюша рассуждал так:

– Придёт время, и примут вас. И станете такими же хорошими пионерами, какими хорошими вы были октябрятами.

Только он сказал это, как забеспокоился старый рыжий петух: «Что-то та-к-кое? Что-то эт-то значит? Ку-дах-дах!.. Что-то не так... Ку-дах!.. Кудах!..»

Гаврюша насторожился. Старый петух никогда не суетился напрасно. Поэтому его и держали, чтобы опасность предупреждать. Мало ли в степи всяких куриных врагов?... Хоть лису ту же взять – подкрадётся, и не услышишь...

«Что-то т-та-к-кое?» – не унимался петух.

– Ребята, откуда-то дымом пахнет! – сказал Гаврюша.

Сёма и Сеня тоже вскочили вслед за Гаврюшей. Сначала приняхались, потом огляделись.

– Степь горит! – закричал Сеня. – Вон! Смотрите.

Тут все увидели дым и огонь. Горело жнивье. Огонь и дым продвигались к ребятам. Сёма и Сеня бросились к курам. Гаврюша хотел было побежать за взрослыми на дальний участок. Да куда там!.. Полоса огня, подгоняемого ветром, двигалась на ребят, на куриное стадо очень быстро. Гаврюша не успел бы пробежать и полпути до дальнего участка, даже если бы он помчался туда стрелой.

– Нужно сгонять кур! – крикнул он Сёме и Сене. И, увидев, что ребята носятся по степи, сгоняя разбредшихся кур, кинулся к ним на помощь.

Куры, увлечённые поисками зерна, не чуя беды, не слушались ребят. Тогда Сеня снял свою рубашку и стал махать ею. Остальные сделали то же самое. Гаврюша засвистел. Сёма стал бросать в кур комья земли. Начался куриный переполох. Куры стали разбегаться в разные стороны. Некоторые побежали навстречу огню.

Пришлось снова сделать забег и повернуть молодых кур в сторону речки, куда, голоса, будто сзывая остальных, бежал старый рыжий петух, уводя за собой добрую сотню кур.

Побежавшие навстречу огню куры остановились. Пахнуло дымом.

– Гони их к речке! К речке!.. – истошно кричал Гаврюша.

И ребята не помня себя гнали к реке куриное стадо. Они понимали, что речка преградит путь степному пожару. За рекой куры будут в безопасности. Но как их переправить за реку? ... Двух, трёх, даже десяток кур можно переловить и перенести или даже перебросить, а ведь их тысяча!

Берег ближе и ближе. Но ближе и ближе огонь. Пусть он не страшен быстроногим ребятам, но для ошалевших кур это верная гибель.

Огонь уже совсем близко, но река ещё ближе. Вот уже первые куры и старый петух подбежали к кромке берега. Гаврюша оглушительно свистнул. Петух, вдвойне напуганный огнём и свистом, взвился вертолётom и благополучно перелетел речку. За ним последовало два-три десятка кур. Испуг вернул им давно забытую способность летать. Взлетело ещё два-три десятка кур. Некоторые, не долетев до противоположного берега, оказались в реке. Одни в испуге поплыли, другие, коснувшись дна, побежали как очумелые бродом.

Уже добрая сотня кур была спасена. Очутившись в безопасности на том берегу, они, не останавливаясь, удирали дальше. Это были старые, двух-трёхлетние куры. Молодые же никак не хотели взлетать. Вода страшила их не менее огня. Один молодой петушок, ополоумев, предпочёл кинуться в огонь.

Гаврюша оглянулся. Огонь наступал неровной, ломаной линией. Мальчик решил гнать кур берегом к пешеходному мостику. Он надеялся, что они успеют проскочить там, где огонь отставал, где река делала излучину. И ребята, замахав в три рубахи, погнали кур берегом к мостику.

Слева – огонь, справа – вода. Между ними стремительно мчащаяся белая туча кур. Они бежали раскрыв клювы, подгоняемые свистом, перескакивая друг через дружку. Некоторые, не выдерживая бега, перелетали через реку, где уже пришедший в себя старый петух истошно кричал: «Куда вы, куда? Сю-да, сю-да!» – будто в самом деле выговаривая эти слова. И молодёжь верит ему. Перелёты стали чаще. Не беда, что много кур уже на плаву.

«Не утонут, – думает Сёма, – доплывут до первой мели или до коряги и выйдут на берег».

Вот огонь уже совсем близко, но самые быстрые куры первыми бегут по мостику.

От огня и ребятам жарко. Пахнуло палёной шерстью.

– Сёмка, прыгай в воду! – кричит Сеня. – Волосы опалил.

– Сам прыгай, – отвечает тот, прикрывая голову рубашкой.

Огонь пожрал только трёх молодок. Он преградил им дорогу перед самым мостиком. Ребята видели их из речки. Перед тем как сгореть, куры взлетели так высоко, что могли бы перелететь не одну такую речонку.

– Вот до чего доводит трусость! – сказал Сёма, охлаждая водой ожоги.

Тараканий охотник

Егорушка проводил последнюю перед школой зиму в старом доме у дедушки с бабушкой в большом селе. Дел у Егорушки было хоть отбавляй. И деду нужно помочь на конном дворе, и с бабушкой нужно на птичьей ферме побывать. А тут ещё сани, лыжи, снежная хижина... Да и сорок тоже кто-то должен на всякий случай палкой пугнуть, и дорожку в дровяник нельзя запускать. Занесёт её снегом – и не доберёшься. А больше всего приходилось воевать с тараканами.

– Откуда это они! – удивлялась бабушка. – Лет десять их не было, а теперь хоть из дому не уходи.

И гусиным-то крылышком сметала их бабушка в ведро с водой, и кипятком-то шпарила, и морила чем следует, а они напозлали опять.

– Да что это за наказание такое, – жаловалась бабушка. – На всех управа находится: на мышей – кошки, на комаров – лягушки, на змей – ежи, а на них нет охотника.

– Нет, есть, – сказал дед и подмигнул внуку.

Подмигнул дед внуку и пообещал тараканьего охотника на этой же неделе в дом поселить.

– Кто это? Как его звать? – допытывался Егорушка.

– Как придёт, сам себя назовёт, – отшучивался дед. – А теперь давай домишко для охотника соорудить.

Сказал так дед и принялся сколачивать маленькую скворешенку. Подвесил он скворешенку на стену под потолок и в подпол полез. Добыл дед из подпола проволочную мышеловку и сказал:

– Теперь, Егор Сергеевич, давай на охотника охотиться.

«Неужели мышь – тараканий охотник? – подумал Егорушка. – Но как она под потолком в скворешенке будет жить?»

А дед тем временем насторожил мышеловку и приманку на крючок подвесил – сало. А потом велел Егорушке поставить мышеловку во дворе на столбик возле черёмухи и караулить из окна.

Как сказано, так и было сделано.

Долго Егорушка дежурил у окна. Даже устал. И вдруг смотрит – птичка прилетела. Жёлтенькая с чёрненькой головкой и белыми щёчками. Он сразу узнал её. Это была большая синица.

«Неужели это и есть тараканий охотник? – удивился Егорушка. – Но как птица может попасть в мышеловку?» А синица, учуяв сало, всячески старалась проникнуть к нему.

Вернулся дедушка, а синица всё ещё крутилась возле мышеловки, ища вход. И наконец нашла его. Прыг в ловушку. Хватъ за сало. Крышка мышеловки захлопнулась.

Ура!

Дед с внуком побежали за синицей.

– Теперь давай приручать охотника, – сказал дед и прикрыл мышеловку платком.

Птица утихла и перестала биться. Часа через два, когда уже смеркалось, дед добыл синицу и сунул её в скворешенку.

– Пусть теперь там обседится, – сказал он.

Синица притаилась в скворешенке. Как сгинула.

Прошла ночь. Егорушка поднялся вместе с дедом.

– Теперь давай, Егор Сергеевич, учить охоте тараканьего охотника, – объявил дед. – Хотя это и не обязательно, а всё же для порядка не помешает.

Были пойманы штук пять тараканов и брошены в скворешенку. Послышалось – тук-тук!

– Ага! – Дед подмигнул внуку. – Проголодался охотник.

Егорушка не спускал глаз со скворешенки. Он увидел, как два таракана выползли из неё.
– Упустил охотник добычу, – сказал дед.

Да этого не случилось. Птица высунулась в отверстие скворешенки и увидела убегающего таракана. Раздался охотничий клич. Взмах крыльев. Таракан был настигнут и проглочен. Синица снова скрылась в скворешенке.

– Вот это да! – радовался Егорушка. – Вот это охотник!

Большая синица – пугливая птица, но она скоро привыкает к людям. Не прошло и двух дней, как тараканий охотник орудовал у бабушки на кухне. А через неделю или чуть более тараканы исчезли. Редко-редко какой захудалый таракашка выползет из щели, но вскоре и эти редкие удачи оставили тараканьего охотника.

Синица стала промышлять разбоем. Стоит сливочное масло на столе... Улучит синица минуту... Кинется камнем на стол... Отсечёт, как топориком, своим клювом кусочек масла – и в скворешенку.

– Пора, видно, нам расставаться с охотником. Мусору много от него, – как-то сказала бабушка.

Егорушке не очень хотелось отпускать синицу, но пришлось. Птице полагается жить на воле.

Выпустили тараканьего охотника. Поскучали без него денёк-другой, а потом забыли. Но однажды раздался стук в замороженное стекло кухонного окна. Это была большая синица.

Бабушка даже чашку уронила от радости.

– Придётся, Егорушка, форточку открыть.

На улице стужа, и, видно, нашему тараканьему охотнику приходится худо.

Егорушка открыл форточку. Синица с громким кличем влетела в знакомую кухню.

– Живи давай, живи до тепла, тараканий охотник, – сказала бабушка. – Ты нам помог, и мы поможем тебе за твои труды.

Тараканий охотник прожил до весны, а потом улетел и больше не возвращался.

Славка

У агронома в колхозе подрастал сын Славик. Когда мальчику исполнилось шесть лет, он заявил отцу:

– Папа, я тоже хочу быть агрономом. Я тоже, как ты, хочу выращивать хорошую пшеницу.

– Это очень приятно, – согласился отец. – Давай я отведу тебе поле.

И агроном отвёл своему сыну поле в палисаднике перед окнами дома, где они жили. Поле мальчику показалось очень небольшим. Оно было в один метр длиной и в один метр шириной – квадратный метр.

– Это не беда, – сказал отец. – И на этом поле можно вырастить знаменитую пшеницу.

Вскоре мальчику было показано, как нужно рыхлить землю, на какую глубину засеять маленькую пашню пшеничным зерном и как нужно за ней ухаживать.

Когда появились всходы, Славик очень обрадовался. Он тщательно пропалывал их, а когда земля подсыхала, поливал своё крошечное поле из маленькой лейки.

Пришло время убирать урожай. Славик вместе с отцом срезал колосья, а затем занялся молотью. Молотили дома, на столе. Молотили карандашом, выбирая из каждого колоска зёрна.

Зёрен оказалось много. Ими можно было засеять всю землю палисадника.

Но отец сказал:

– Давай посеем только лучшие зёрна.

И Славик стал отбирать лучшие зёрна пшеницы – самые большие, самые пузатенькие. Нелегко было перебрать весь урожай. Не один час потратил Славик в долгие зимние вечера на сортировку зерна. Лучшие взял для семян, а остальные скормил уткам.

Пришла весна. Весной Славик снова перебрал отобранные семена и снова вместе с отцом взрыхлил и удобрил своё маленькое поле. Теперь уже отец работал меньше и меньше указывал.

Весело зазеленели всходы. Выше поднялись стебли. И понятно почему: поле было засеяно лучшими из лучших семенами. А когда появились большие колосья и стали наливаться тяжёлым зерном, Славик часами просиживал у своего поля. Он не мог дождаться урожая. Очень ему хотелось узнать, каким будет на этот год зерно.

Но однажды пошёл дождь с крупным градом. И Славик заплакал. Он боялся, что град погубит урожай, а поле закрыть было нечем. Но бабушка бросила через окно большой отцовский зонт, и мальчик раскрыл его над полем. Град больно хлестал Славика, потому что сам-то он был не под зонтом. Он держал зонт на вытянутой руке над своим полем. Из глаз Славика катились слёзы. Но Славик не уступил граду, не ушёл с поля.

– Ты настоящий мужчина, – сказал ему отец. – Только так и можно было защитить дорогие семена.

Чудесный урожай собрал Славик на вторую осень.

Теперь он уже знал, как нужно подсушить колосья, как их обмолотить, легонечко постукивая по ним карандашиком. Не дожидаясь совета отца, Славик отобрал самые крупные зёрна. Их нельзя было сравнить с прошлогодними. Те были куда мельче и легче.

На третий год Славик засеял поле самостоятельно. Он хорошо удобрил землю. Хорошо взрыхлил и засеял два квадратных метра. Он переходил уже во второй класс, и ему было под силу справиться с таким опытным полем. И он справился. К тому же помогал школьный товарищ.

Намолотив осенью достаточно пшеницы, мальчик пригласил сортировать зёрна друзей из своего класса, и те предложили Славику засеять большое поле.

Сказано – сделано. Весной ребята огородили большое поле в школьном саду – поле в десять метров длиной и в два метра шириной.

Славика ребята избрали главным агрономом и слушались его во всём. Кропотливо рыхлили землю и пололи сорняки.

Летом пшеница заколосилась ещё лучше, чем в прошлые годы. Заколосилась так, что на неё обратили внимание старики колхозники. Какая это была радость!

Однажды председатель колхоза сказал шутливо Славику:

– Товарищ главный агроном, продай колхозу урожай на семена.

Славик покраснел. Ему показалось, что председатель смеётся над его полем. А председатель не смеялся. Осенью он пришёл на обмолот урожая. Урожай теперь молотили почти всем классом Славика. Молотили в тридцать два карандаша.

– Давайте, молодые семеноводы, засеем этим хорошим зерном большое поле. Вместе, – предложил председатель.

Ребята согласились. И вот наступил пятый год. Ребята вышли на сев вместе с колхозниками. И вскоре был снят пятый урожай. Теперь его уже нельзя было обмолотить даже тысячей карандашей. Молотили на току, по старинке, ударяя колосьями по плетёному коробу. Боялись повредить зёрна.

На шестой год было засеяно огромное поле. А на седьмой и на восьмой новым, чистосортным пшеничным зерном засеивались поля соседних колхозов. За ним приезжали издалека. Но всех немислимо было оделить семенами этого нового, урожайного сорта пшеницы. Давали семян по горсти, по две. Приезжие благодарили и за это.

... Когда я приехал в колхоз, мне показали эту отличную пшеницу и сказали:

– Это новый сорт пшеницы. Называется этот сорт «славка».

Тогда я спросил, почему так называется эта пшеница и откуда взялось это название. Может быть, от слова «слава» или «славная»?

– Да нет, нет, – ответил председатель. – Она так называется от имени Вячеслав, которого в детстве звали Славином, а попросту – Славкой. Я познакомлю вас с ним.

И меня познакомили с высоким голубоглазым застенчивым юношей.

Он был очень смущён, когда я его стал расспрашивать о пшенице, а потом рассказал историю этой пшеницы, начиная с первого урожая в палисаднике.

Смородинка

Танюша много слышала о черенках, а что это такое – не знала.

Однажды отец принёс пучок зелёных прутиков и сказал:

– Это смородиновые черенки. Будем, Танюша, смородину сажать.

Стала Таня разглядывать черенки. Палочки как палочки – чуть длиннее карандаша. Удивилась Танюша:

– Как же из этих палочек вырастет смородина, когда у них нет ни корешков, ни веточек?

А отец отвечает:

– Зато на них почки есть. Из нижних почек пойдут корешки. А вот из этой, верхней, вырастет смородиновый куст.

Не верилось Танюше, что маленькая почка может стать большим кустом. И решила проверить. Сама решила смородинку вырастить. В палисаднике. Перед избой, под самыми окнами. А там лопухи с репейником росли. Да такие цепкие, что и не сразу выполешь их.

Бабушка помогла. Повыдергали они лопухи да репейники, и принялась Танюша землю вскапывать. Нелёгкая это работа. Сперва надо дёрн снять, потом комья разбить. А дёрн у земли толстый да жёсткий. И комья твёрдые.

Много пришлось поработать Тане, пока земля покорилась. Мягкой стала да рыхлой.

Разметила Таня шнурком и колышками вскопанную землю. Всё сделала, как отец велел, и посадила рядками смородиновые черенки. Посадила и принялась ждать.

Пришёл долгожданный день. Проклюнулись из почек ростки, а вскоре появились и листочки.

К осени из ростков поднялись небольшие кустики. А ещё через год они зацвели и дали первые ягоды. По маленькой горсточке с каждого куста.

Довольна Таня, что сама смородину вырастила. И люди радуются, глядя на девочку:

– Вот какая хорошая «смородинка» у Калинниковых растёт. Настойчивая. Работящая. Черноглазая, с белой ленточкой в косе.



Чижик-Пыжик





Первый лук



Мне шесть или семь лет. Я сюда приехал только вчера. Ещё звенят в ушах слова моей матери: «Слушайся во всём Котю». Котя – это моя тётка. Она старая дева. Ей уже сорок лет. И я её любимец, её единственный племянник.

Тётушка жила в своём доме, как и большинство рабочих этого прикамского завода. При доме двор, огород. Здесь, как говорит тётушка, началось моё детство. Я смутно помню об этом. Но всё, что было потом, никогда не изгладится в моей памяти.

Так вот...

Мне шесть или семь лет. Я стою на дворе дома моей тётки. Цветут белым пухом тополя. Только пух да пух и ни одного знакомого мальчишки.

В это утро я пережил впервые самое страшное из самого страшного – одиночество. Но оно длилось недолго, может быть, час, а может, и десять минут. Но для меня, нетерпеливого и торопливого, показались мучительными и эти минуты.

Между тем я этого не знал тогда: в щели соседского забора за мною зорко следили четыре «индейских» глаза. Два из них принадлежали Санчику Петухову, а другие два его брату Пете.

Видимо, нетерпение и торопливость были свойственны не только мне. Петя и Санчик знали за несколько дней о моём приезде. Появление нового мальчишки на соседнем дворе не такое частое и заурядное явление. С новичком нужно было познакомиться, затем или принять его третьим индейцем, или объявить бледнолицым врагом. Порядок не новый. Так поступали в наши годы все мальчишки, игравшие в индейцев. Либо ты с нами, либо ты против нас.

Но как познакомиться? Крикнуть: «Иди к нам» или «Давай мы перелезем к тебе»... Это же не индейский способ знакомства. Поэтому через щель забора была пущена стрела. Она пролетела передо мной шагах в четырёх и впилась в бревенчатую стену дома. Я подбежал к стреле. Она довольно глубоко вошла в дерево, и я не без усилий вынул её.

– Это наша стрела! – послышалось с забора.

И я увидел двух мальчиков.

– Вы кто? – спросил я.

Они ответили:

– Индейцы! – и в свою очередь спросили: – А ты кто?

– Пока ещё никто, – сказал я, подавая ребятам стрелу.

– А хочешь быть индейцем? – спросил один из них.

– Конечно, хочу, – радостно сказал я, хотя и не знал, что значит быть индейцем, но верил, что это очень хорошо.

– Тогда перелезай через забор, – предложили они.

– Очень высоко, – боязливо сознался тогда я. – Лучше проведите меня через ворота.

И провели на петуховский двор. Я переступил порог новой для меня жизни.

На индейском языке Санчик назывался – Сан, а Петя – Пе-пе. Мне ещё не присвоили нового имени, потому что я не заслужил права называться охотником. Для этого нужно было прежде всего сделать своими руками лук и десять стрел, а затем попасть хотя бы тремя из них в картофелину с кулак, подвешенную на нитке.

Условия не лёгкие. Но не оставаться же бледнолицым и не терять же так счастливо найденных мальчишек за соседним забором.

Я согласился. И мне был вручён нож. Я впервые в жизни держал в своих руках этот простой и, как потом оказалось, могущественный инструмент. Он был настолько острым, что перерезал ветку так легко, будто это была струя воды из крана, а не дерево. Им можно было вырезать из сосновой коры поплавок, отделать удилице, выстрогать дранки для змея, заострить доску, воткнуть в неё лучинку, а затем назвать это сооружение кораблём.

И мне захотелось обзавестись своим ножом. Тётка была в ужасе, но отец моих новых знакомых сказал:

– Ему уже пора ходить с забинтованными пальцами!

Это ещё более уstraшило тётушку, но мои слёзы взяли верх. Я на другой же день пришёл с забинтованными пальцами. Но зато я знал, что нож не любит торопливых.

Рана поджила скоро, и мы отправились на кладбищенскую горку, где рос «верес» – этим именем называли можжевельник. Сан и Пе-пе, соорудившие не один лук, помогли мне выбрать хороший стебель. Плотная древесина плохо поддавалась ножу, и я не без трудов и не без помощи Сана вырезал из куста можжевельника будущий лук.

Теперь его предстояло обработать. Это далось легко, но не скоро. Но пришла счастливая минута. Лук согнут. Тетива из сурового, мною же сплетённого шнурка звенит. Она так туга и так певуча. Теперь дело за стрелами. Их нетрудно сделать, для этого нужно нащепать прямо-слойную доску, а затем выстрогать круглые палочки. Но круглая палочка ещё не стрела. Стрел не бывает без наконечника, без копыя, как его называли Сан и Пе-пе. А для этого нужно было вырезать из жести треугольнички, а затем при помощи молотка, большого гвоздя и железной плитки, заменявшей наковальню, сделать копыя.

Это просто в руках Сана и Пе-пе. Это очень трудно в моих руках. Молоток ударяет то мимо, то слишком сильно и плющит жестяной треугольничек. Но копыя нужно сделать. Час за часом молоток, подобно сварливому ножу, становится послушнее. Второй наконечник лучше первого, а третий лучше второго. Но все они очень плохи. Им далеко до копий Пе-пе и тем более Сана. Всё же их можно насадить на стрелы.

Картофелина подвешена на нитке. Отмерены семь индейских шагов, по два нормальных наших шага каждый.

Знак тишины. Изгоняются даже куры со двора.

И я стреляю. Мимо... Мимо... Мимо... Наконец четвёртая стрела пронизывает картофелину и кружится вместе с ней... Пятая мимо... Зато шестая и седьмая вместе с четвёртой стрелой.

– Хватит, – сказал Сан, – теперь ты индейский охотник по имени Жужа.

Это была большая честь для меня, и я в этот день гордился собой, придя домой со своим луком и стрелами.

Это был очень радостный день моего детства. И я помню, как, вернувшись домой, долго рассматривал свои руки. Это они, мои милые руки с некрасивыми короткими пальцами и широкой ладонью, сделали меня счастливым. Именно они, а не что-то другое, и я даже решил без напоминания тётушки вымыть их с мылом. Они вполне заслужили такое внимание с моей стороны.

Обманное озеро

То, что мне рассказал на берегу Обманного озера Егор Иванович, могло произойти только здесь – в степных сибирских просторах, где природа сказочно щедра.

– Почему так странно называется это озеро? – спросил я у Егора Ивановича. – Кого-нибудь обманули здесь? Или у него обманное, топкое дно?

И Егор Иванович ответил:

– Сто лет отгадывай – не отгадаешь. А прозвание «Обманное» этому озеру куда как смешно пришло. Слушай...

На этом самом месте годков сорок тому назад, а то и больше, была Макарова заимка. Дедушка Макар тут жил. Он моему отцу какой-то дальней родней доводился. Под старость старик Макар стал искать тишины. Облюбовал он эту глушь на берегу безымянного озера и поставил тут пластяночку на два окна. И каждое лето летовал в этих местах. Много ли старику хлеба надо, а рыбы и мяса тут невпроед. И теперь, как видишь, озеро глуховато, а в ту пору и говорить нечего.

Внуков у дедушки Макара не было – только внучки. Вот он и приспособил меня приёмышем. Мой отец рано помер, а у матери нас шестеро на руках осталось. И мать с превеликим удовольствием меня на лето отпускала к Макару.

Сначала мне тоскливо было: я да он, озеро да степь. Случалось, и слезишки лил. А дедушка Макар любил меня и придумывал разные забавы. То уток учил петлями ловить, то верши плести да ставить. Зверюшек выслеживали. Под курицу для забавы утиные яйца клали. Высидит курица вместе с цыплятами утят, и такое представление начнётся – вдвоём за семейных нахохочемся, когда курицыны утята в озере плавают, а их мать по берегу как умалишенная бегают, на всю степь кудахчет: «Куда-куда?... Куда вы, цыплатушки?... Утонете!» А утятам и горя мало. Наплаваются – и под куриное крыло. Посидят, посидят – и снова в воду. Бедная мать опять кричит, надрывается во всю головушку, а мы с дедушкой до хрипоты хохочем.

Шутка эта старая, известная. Не один дед-шутник так внуков веселил, не одна курица утят высиживала. Только эта никчемушная шутка на умное дело дедушку Макара навела.

– Егорша, – как-то говорит он мне, – а что, если мы с тобой дикую утку домашних утят заставим высиживать?

– Как это, – говорю я, – так? А если она не сядет?

– А почему, – говорит он, – ей не сесть? Умнее, что ли, она курицы? Облюбруем два-три гнезда диких уток да и подменим яйца дикой утки яйцами наших домашних белых уток.

Тут надо сказать, что у дедушки Макара были хорошие утки, ноские. Неслись куда больше, чем для гнезда надобилось. Вот эти избыточные яйца и задумал Макар под диких уток класть.

Дело не мудрёное. Утиное гнездо на этом озере найти ещё легче, чем шуку поймать.

Только я сомневаться стал.

– А вдруг, – говорю, – дедушка, дикая утка домашних утят дикими вырастит! Летать их научит и в тёплые места по осени лететь заставит.

А дедушка Макар на это мне, смеясь, говорит:

– Наша курица тоже хотела утят петушками вырастить, а они селезнями выросли. Из кукушкиного яйца в любом гнезде кукушонок проклюнется. Так и тут. Давай пробовать.

Я рад стараться. Накопили корзинку яиц от наших домашних уток. Сели в лодку. Дедушка на корме с веслом управляется, а я на носу с корзинкой пристроился. Как где дикая утка взлетит, туда и правим. Найдём гнездо и живёхонько произведём подмену яиц. Дикие – в лодку, а домашние в гнездо.

Через недельку наши белые утки снова корзиночку яиц нанесли. Мы с дедом опять в лодку. И так раза три. Сердчишко у меня колотится – выскочить готово. Во сне даже белых утят вижу с дикой серой матерью. Одного только не понимаю – как мы потом утят выловим.

– Не горюй, – говорит мне дедушка Макар. – Уж если мы диких уток обманули, домашних-то утят обязательно перехитрим. Куда им деваться, когда озеро застынет? Чем питаться будут, когда снежок выпадет?

– Это верно, дедушка, – говорю я и жду не дождусь, скоро ли дикие утки нам домашних утят высидят.

Как ни долго тянулись дни, а пришло время, когда утята вывелись.

Сотни выводков на озере, и все жёлтые. Не различишь. Только стал я замечать, что у диких уток не все утята пугливые. Другие даже к лодке подплывают, если им кусочки бросать. Мать в камыши, а они хоть бы что.

Подошёл срок – утята оперяться начали. Неслыханное дело на озере: утка серая, а утята белые. И серые и белые между собой в ладу. Ни драки, ни разногласий. Ничего. Всем корму хватает. Я день-деньской с озера не ухожу. Осени жду. Не нагляжусь на белых утят.

Подошла осень.

Затабунились утки. Волнение на воде. Разговор. Выводки в стаи объединяются. Пробные взлёты начались. Старые молодых к дальней дороге готовят. А белая молодь, что из подложных яиц вылупилась, сама по себе плавать стала.

Мы с дедушкой Макаром глаза готовы проглядеть. К себе молодь зовём. Прикармливаем – не идут. Своих, домашних уток подбрасываем, чтобы те привели их к нам на заимку, в утиный пригончик. Не получается.

Стали ждать, когда застынет озеро.

Недолго пришлось ждать. Настал счастливый день, ударил первый морозец. Сковало льдом озеро. Не всё: с краёв. А белые утки на середине держатся. Серые-то уж давно за море улетели.

Тут дедушка Макар, не будь плох, стал овсеца им подкидывать, пшенички. Утки вышли на лёд, клюют. А потом мы с дедушкой овсяную дорожку стали насыпать. От озера – в свой пригончик. Своих, домашних уток опять для приманки выпустили. Ключуло ведь дело! До единой к нам в пригончик пришли да ещё двух-трёх уродцев из диких привели, которые улететь не могли.

Так оно и началось. Не один год мы с дедушкой уток обманывали. Не для забавы уж, а для дохода. А потом войны пошли... Дедушка Макар умер... Забыли озеро.

Годы, дожди да ветры нашу пластаночку с землёй сровняли...

А недавно, когда я сам дедом стал, меня тоже к тишине потянуло. И главное, как вышло-то это. Инкубатор у нас завели. Большенький инкубатор, сотни на две яиц. Хорошо дело пошло. Яйца закладывают, электрическое тепло из них утят, гусят, даже индеек выпаривает. Тут-то я и вспомнил свои ребяческие годы да дедушку Макара. Вспомнил и выступил на собрании.

– Инкубатор, – говорю, – штука хорошая. Только, – говорю, – инкубаторных-то утят кормить надо. А дикая, – говорю, – утка по нашей местности – даровой инкубатор и даровая кормилица.

Рассказал всё, как было. Меня, конечно, на смех подняли. Да только не все смеялись – нашёлся человек, который ко мне вечером заглянул, а наутро мы с ним на озеро в его машине покатили.

Недели не прошло – заповедником это озеро сделали. Меня в водяные произвели, главным начальником поставили. Дом, видишь, какой сгрохали. Племенной утятник построили. Пять-десять несушек поселили. Птичницу прикомандировали.

А что касается подмены яиц в диких утиных гнёздах, этим теперь детвора занимается. Как уткам садиться в гнёзда, то из одного класса десятков помощников пожалуйет, то из дру-

гого пятнадцать весёлых утиных обманщиков приедут. Живёхонько гнёзда разведает, подмену произведут – и на том же грузовике домой.

Теперь, я думаю, тебе не надо досказывать, почему это озеро у нас Обманным прозвали. И так ясно.

Мама и мы

Если обо всём своём детстве говорить, недели, пожалуй, мало будет. А так, кое-что – пожалуйста. Вот, например, случай был...

Мы задержались в школе, потому что заканчивали выпуск стенной газеты. Когда мы вышли, уже смеркалось. Было тепло. Падая крупный, пушистый снег. Видимо, поэтому Тоня и Лида дорогой танцевали танец снежинок. Мой младший брат, ожидавший меня, чтобы идти вместе, подсмеивался над ними:

– Скачут, как первоклассницы!

Снег падал всё гуще и гуще. Танцевать стало нельзя. Снегу навалило до половины валенка.

– Не заблудиться бы! – предупредил нас, на правах самого дальновидного, мой младший братец.

– Да ну тебя, трусишка! – отозвалась Лида. – Через пятнадцать минут будем дома.

Снегопад между тем усиливался. Забеспокоился и я, зная, как жестоки наши степные сибирские метели. Случалось, что люди теряли дорогу, находясь близ своего дома. Я посоветовал прибавить ходу, но это сделать уже было нельзя по глубокому слою снега, покрывшему дорогу.

Стало ещё темнее. Наступила какая-то белая снежная темнота. А потом началось то, чего я опасался. Снежинки вдруг закружились... Закружились в таком танце, что через несколько минут началась настоящая пурга, вскоре перешедшая в большой буран.

Девочки закутали лица платками. Мы с Федей опустили у шапок уши. Узенькая дорожка, которая вела в наше село, то и дело исчезала под ногами. Я шёл первым, стараясь не потерять под ногами дорожный накат. До дому оставалось менее версты. Я верил, что мы выберемся благополучно.

Напрасно.

Дорога исчезла. Будто её из-под ног украл кто-то очень недобрый из сказки моей бабушки. Может быть, Шальная Метелица... может быть, злой старик Буран Буранович.

– Вот, я же говорил! – упрекнул нас Федя.

Лида ещё бодрилась, а Тоня почти плакала. Она уже побывала в пурге со своим отцом. Она ночевала в снежной степи. Но тогда в санях был запасной тёплый тулуп, и Тоня, укрытая им, благополучно проспала ночь. А теперь?

Теперь мы уже выбивались из сил. Я не знал, что делать дальше. Снег таял на моём лице, и лицо от этого обледеневало. Ветер свистел на все лады. Чудились волки.

И вдруг в вое ветра я услышал спокойный голос матери:

«Кого ты испугался? Пурги? Тебе хочется кричать? Кто тебя услышит при таком ветре! Может быть, ты надеешься, что вас найдут собаки? Зря. Какая собака пойдёт в степь при такой погоде! У тебя осталось только одно: зарыться в снег».

Я так отчётливо слышал голос моей матери, отлично зная, что маминым голосом я разговариваю сам с собой в моём воображении. И я сказал:

– Мы сбились с дороги. Мы можем выбиться из сил и замёрзнуть. Давайте зарываться в снег, как это делают кочевники.

Видимо, я объявил об этом так твёрдо, что никто не возразил мне. Только Тоня плачущим голосом спросила:

– А как?

И я ответил:

– Так же, как куропатки.

Сказав так, я первым начал рыть колодец в глубоком февральском снегу. Я его начал рыть сначала школьной сумкой, но сумка оказалась толста; тогда я вынул из сумки географический атлас в прочном картонном переплёте. Дело пошло быстрее. Меня сменил брат, потом Тоня.

Тоня даже развеселилась:

– Тепло как! Попробуй, Лидочка. Разогреешься.

И мы стали поочерёдно рыть колодец в снегу. После того как колодец достиг нашего роста, мы стали прорывать пещерку в его снежном боку. Когда метель заметёт колодец, мы окажемся под снежной крышей вырытой пещерки.

Вырыв пещерку, мы стали размещаться в ней. Ветер вскоре замёл снегом колодец, не задувая в пещерку. Мы оказались под снегом, как в норе. Будто тетерева. Ведь и они, бросаясь с дерева в сугроб и «утонув» в нём, потом проделывают подснежные ходы и чувствуют себя там самым великолепным образом.

Усевшись на школьные сумки, согревая своим дыханием маленькое пространство нашей каморки, мы почувствовали себя довольно уютно. Если бы ко всему этому ещё оказался огарок свечи, мы могли бы видеть друг друга.

У меня был с собой кусок свиного сала, оставшийся от завтрака. И если бы спички, я бы сделал фитиль из носового платка и у нас бы появился светильник. Но спичек не было.

– Ну вот, мы и спаслись, – сказал я.

Тут Тоня неожиданно объявила мне:

– Коля, если захочешь, я подарю тебе моего Топсика.

Топсиком назывался ручной суслик.

Суслик мне был не нужен. Я ненавидел сусликов. Но мне было очень приятно Тонино обещание. Я понимал, чем вызван этот щедрый порыв души. Да и все понимали. Не зря же Лида сказала:

– Ты, Николай, теперь у нас сила! Мужчина!

В её голосе я снова услышал голос мамы.

Видимо, в каждой женщине, даже если ей всего только двенадцать лет, есть какая-то материнская хитринка, подбадривающая мужчину, если этому мужчине тоже только двенадцать лет.

Я почувствовал себя в самом деле сильным и стал рассказывать бабушкины сказки. Я их стал рассказывать потому, что боялся уснуть. А когда я усну – уснут и остальные. А это было опасно. Можно замёрзнуть. Одну за другой я рассказал, наверное, тридцать, а может быть, и больше сказок. Когда же вышел весь запас бабушкиных сказок, я стал придумывать свои. Но, видимо, придуманные мною сказки были скучными. Послышался лёгкий храпоток.

– Кто это?

– Это Тоня, – ответила Лида. – Она уснула. Мне тоже хочется спать. Можно? Я вздремну только одну минуточку.

– Нет, нет! – запретил я. – Это опасно. Это смертельно опасно.

– Почему же? Смотри, как тепло!

Тут я нашёлся и соврал так удачно, что после этого никто не пожелал даже дремать. Я сказал:

– Волки нападают на спящих. Они только того и ждут, чтобы услышать, как храпит человек.

Сказав так, я привёл уйму случаев, выдумываемых мною с такой быстротой, что даже не верится сейчас, как это я мог...

Теперь рассказывали другие. По очереди.

Время шло медленно, и я не знал, полночь сейчас или, может быть, уже брезжит рассвет. Колодец, вырытый нами, давно замела пурга.

Пастухи-кочевники, оказываясь в таком же положении, выставляли из снега высокий шестик. Они специально брали его в степь на случай бурана, чтобы потом их можно было найти, отыграть.

У нас не было шеста, и нам не на что было надеяться. Только на собак. Но и они бы не учуяли нас сквозь толщу снега.

Моё сало давно было разделено и съедено, как и Лидин ломоть хлеба.

Всем казалось, что уже настало утро, и хотелось верить, что пурга кончилась, а я боялся прорываться наверх. Это значило забить снегом пещерку, вымокнуть и, может быть, очутиться снова в белой снежной мгле. Но каждый из нас понимал, какое беспокойство мы причинили всем. Нас, может быть, ищут, кличут в степи... И я представил свою маму, которая кричит сквозь ветер: «Колюнька... Федюнька... Отзовитесь!...»

Подумав об этом, я стал прорываться наверх. Снежная крыша над нами оказалась не столь толста. Мы увидели бледнеющую луну и гаснущие звёзды. Занималась какая-то сонливая, словно невыспавшаяся, бледная заря.

– Утро! – крикнул я и стал проделывать ступени в снегу, чтобы выбраться остальным.

С неба сыпались запоздалые снежинки. Я сразу же увидел наш ветряк. Дым из труб поднимался тонкими, будто туго натянутыми струнами. Люди проснулись. А может быть, они и не спали в эту ночь...

Вскоре мы увидели наших ребят. Они обрадованно бежали к нам и кричали:

– Живые! Все четверо! Живые!

Мы бросились к ним навстречу. Я не стал медлить и слушать, что рассказывали об этой ночи, обо мне Тоня и Лида. Я побежал к нашему домику.

Саней на дворе не было – значит, отец ещё не вернулся. Открыв дверь, далеко оставив за собой Федюньку, я бросился к маме. Бросился и... что было, то было... и заплакал.

– Да о чём ты? – спросила мать, утирая мне слёзы передником.

И я сказал:

– О тебе, мама... Ты, наверное, голову потеряла без нас.

Мать усмехнулась. Освободилась от моих объятий и подошла к кроватке Леночки. Это наша младшая сестра. Подошла и поправила одеяльце. И сказала ей: «Спи». Хотя та и без того спала, и одеяльце незачем было поправлять. Потом она подошла к подросшему Федюньке и спросила:

– Валенки не промокли?

– Нет, – ответил он. – Под валенками атлас был. Полушубок вот подмок. Есть я хочу...

– Переобувайтесь да живо за стол, – сказала мать, ничего не спросив о минувшей ночи.

«Да любит ли она нас? – впервые подумал я. – Любит ли? Может, эта ревунья Леночка у неё один свет в глазу?»

Когда мы съели по две тарелки горячих щей, мать сказала:

– Я постлала, ложитесь. В школу не пойдёте. Нужно выспаться.

Я не мог уснуть, а спать хотелось. Я пролежал до полудня в тёмной горнице, с закрытыми ставнями.

Нас позвали обедать. Приехал отец. Он уже знал всё от Лиды и Тони. Он хвалил меня. Обещал мне купить маленькое, но настоящее ружьё. Он удивлялся моей находчивости.

А мать?...

Мать сказала:

– Парню тринадцатый год. И смешно было бы, если бы он растерялся в метель да себя с товарищами не спас.

– Анята!... – укоризненно заметил отец матери.

А мама перебила отца и сказала:

– Ешь давай! Каша стынет. Хватит разговоры разговаривать! За уроки им браться надо. Ночь пробродяжничали, день потеряли...

После обеда Тоня принесла мне Топсика. Я не взял его.

Лидина мать, Марфа Егоровна, явилась с большим гусаком и, низко поклонившись матери, сказала:

– Спасибо тебе, Анна Сергеевна, что такого сына вырастила! Двух девок спас. У Тоньки-то сестры есть, а Лидка-то ведь у меня одна...

Когда Марфа Егоровна кончила свои причитания, мама сказала:

– Как тебе не стыдно, Марфа, моего недотёпу Кольку героем выставять! – И, повернувшись, наотрез отказалась взять гусака.

Вечером мы остались с бабушкой вдвоём. Мать ушла на станцию, к фельдшеру. Сказала, что угорела – болит голова.

С бабушкой мне всегда было легко и просто.

Я спросил её:

– Бабушка, хоть ты скажи мне правду: за что нас так не любит мать? Неужели мы в самом деле такие нестоящие?

– Дурень ты, больше никто! – ответила бабушка. – Мать всю ночь не спала. Ревела как умалишённая... С собакой по степи вас искала. Колени обморозила... Только ты ей, смотри, об этом ни гугу! Какова она есть, такую и любить надо. Я её люблю...

Вскоре вернулась мать. Она сказала бабушке:

– Фельдшер дал порошки от головы. Говорит, чепуха. Через месяц пройдёт.

Я бросился к матери и обнял её ноги. Сквозь толщу юбок я почувствовал, что её колени забинтованы. Но я даже не подал виду. Я никогда ещё не был так ласков с нею. Я никогда ещё так не любил свою мать. Обливаясь слезами, я целовал её обветренные руки.

А она всего лишь, как бы между прочим, будто телёнка, погладила меня по голове и ушла, чтобы лечь. Видимо, стоять ей было трудно.

В холодной холе растила и закаливала нас наша любящая и заботливая мать. Далеко смотрела она. И худого из этого не получилось. Федюнька теперь дважды Герой. И про себя я кое-что мог бы сказать, да матерью строго-настрого завещано как можно меньше говорить о себе.

Набольший

В деревне Карасинской я не был года три. Меня переводили под Славгород. А потом я вновь вернулся в знакомую деревеньку и снова поселился у Тычкиных.

Тычкины меня приняли как родного. И мне было радостно встретиться с этой крепкой, старожильской сибирской семьёй. Разговаривая о том о сём, старуха спросила меня:

– А шапку-то хоть нажил там?

– Нажил, – ответил я, – да прожил. Заячья была. Износилась.

– Корсачью надо. Тебе этот мех к лицу, – посоветовала невестка Тычкиных Настя. – Споймал бы корсачка, вот тебе и треушок.

– Да как я его поймаю? Это ведь хитрый зверь.

– А ты его выдymi – да сеткой. Мой набольший тебя научит, – сказала Настя, – как корсаков из нор дымом выгонять.

– Да сколько же лет теперь твоему набольшему?

– Порядком уж. Мужик в полную силу. Десятый год Стёпе на той неделе пошёл.

– Ну, тогда нечего и говорить, – согласился я с тем же юмором без улыбки, какой свойствен был Тычкиным да, впрочем, многим сибирякам.

... И мне вспомнился дождливый осенний день. В луже посреди двора стоял Стёпка. Он был в одной короткой рубашонке и в сапогах.

Стёпочка, размахивая кнутом, сражался с драчливым петухом. Петух набрасывался на него, а Стёпа, стоя посреди лужи, был защищён водой. Озлобленный петух забежит в лужу по шпорину – и с криком обратно. А мальчик тем временем успевает стегнуть кнутом петуха. Птица с криком взлетает и снова предпринимает атаку. А Стёпа смеётся, дразнит петуха. Его синие глазёнки горят воинственным задором. Ветер раздувает удивительно белые и тонкие волосы. Он без штанов. Ножонки его порозовели на холодном ветру. На голени заметна царапина – петух успел изловчиться и поранил противника...

Птица снова с криком переходит в наступление и, поскользнувшись, оказывается в луже. Мокрый и обескураженный, петух даёт тягу.

Стёпочка звонко хохочет. Смеётся и счастливая мать, тайно вместе со мной наблюдавшая из окна сцену боя драчливого петуха с её сыном.

Стёпу зовут домой. Моют в корыте. Он капризничает. Скандалит. Жалуется на мыло, попавшее в глаза. Потом пьёт тёплое молоко и укладывается спать.

... И вот теперь, спустя три года, вошёл в горницу крупный розовощёкий парень. В плисовых штанах, заправленных в сапоги. В вышитой косоворотке. Он не узнал меня – забыл. Но сказал:

– Здорово живём!

Я поздоровался с ним и спросил:

– Правда ли, Степан, что ты корсаков можешь выдымливать?

– Могу, да дельных напарников нет. Им бы торопиться только. А зверя с умом выдымливать надо. Ждать.

– Это верно, – согласился я. – Ты меня возьми.

– А чем дымить у тебя есть? Своё дымило я на два капканчика променял.

– Найдём, Стёпа! Найти бы нору...

– Эка невидаль! Я их штук пять заприметил. Хоть одна-то из них будет не пустая.

– Не может иначе и быть, – со всей серьёзностью подтвердил я. – Значит, по рукам?

– По рукам, – сказал Стёпа и попросил у бабушки есть.

Ел он тоже солидно, аккуратно, не роняя крошек, как бабушка учила. Не залюбоваться таким парнем – значит ничего не понимать в детях.

Дымило я нашёл. Оно ничем не отличалось от дымарки, какой обычно окуривают пчёл. Разница была лишь в наконечнике в виде изогнутой трубки, которая вставлялась в нору.

Мы вышли в степь утром. Я нёс дымило, а Стёпа – сетку с обручем. Даже две.

Перевалив невысокую гриву, мы оказались на пустынной целине.

– Это самое корсачье место, – предупредил меня Стёпа. – Бросай курить, Фёдор. Они, как кержаки, дыму не любят.

Стёпа шёл точно к норе и, когда подвёл меня к ней, тихо сказал:

– Это первая. Ищи выходы. Выход у них не один.

До этого я знал, что корсаки, как и лисы, вырывая нору, делают несколько выходов на случай опасности. Вскоре я их нашёл два, кроме главного, который Стёпа называл «большими воротами».

На выходы были положены сетки с обручами. Сетки Стёпа распёр и приподнял стеблями полыни, чтобы корсак, выскочив, не встретил препятствия. Обручи сеток Стёпа прикрепил дужками из толстой проволоки.

– А теперь давай забивать этот ход, который ты не приметил, – указал он на третий выход норы, вовсе не щеголяя своим охотничьим превосходством.

Этот ход мы забили сухими стеблями, землёй, затем Стёпа велел «для крепости заступить его лопатой». Наступив на главный вход норы, на «большие ворота», мой набольший разрешил мне курить и велел раздувать дымило.

Я положил в дымило трут, поджёг его, навалил углей и стал раздувать. Когда угли разгорелись, Стёпа принялся класть в дымило куски кизяка, тряпьё, которое, по его выражению, «дымит куда как ядовито». Затем всё это он посыпал «горючей серой», потом сказал:

– Давай дыми в «ворота», а я с батиком стану на выходах.

Я и не заметил, что к поясу Стёпы была привязана палка. Это был ствол молодой берёзки, выкопанной с корнем. Обработанным корневищем батика обычно ударяли по голове корсака, попавшегося в сетку.

– Живём-то бы лучше, – сообщил мне Стёпа, – но ежели он начнёт прогрызать сетку, тогда придётся стукнуть. Давай, парень, не разевай теперь рот! Выдымливай!

И я принялся дымить, вставив изогнутый конец трубки дымара в главный ход норы. Стёпа поправил меня – присыпал землёй трубку, чтобы дым не пропадал даром, а «полняком шёл в нору». Правильное замечание.

Хотя я и относился к Стёпе с добродушной насмешливостью, всё же сейчас я почувствовал его первым охотником, а себя – вторым. Ведь он уже добыл на своём веку шесть корсаков, а я – ни одного.

Спустя некоторое время дым показался из ближнего выхода.

– Давай, паря, дыми, дыми! – приказывал Стёпа. – На полный мех шевели, чтобы ему ноздри разъело.

И я дымил «на полный мех», качая мехи правой рукой и левой придерживая дымило.

Так прошло немало времени. Корсак не появлялся.

– Степан Кузьмич, – обратился я к своему набольшему, – никак, на пустую нору напали?

Только я произнёс эти слова, как Стёпа крикнул:

– Эх, сундуки! Проглядели... Вон он где! Сыпь теперь ему соли на хвост – остановится.

Оказывается, мы проглядели четвёртый выход, и серая степная лисичка – корсак – воспользовалась именно этим выходом.

– Значит, пропало наше дело! – с грустью сказал я.

– А ты, паря, не горюй, – посоветовал мне Стёпа. – Заслоняй ход. Забивай его. Один выскочил, а другой, может быть, там.

Охотничий пыл меня бросал слегка в дрожь, когда я заделывал четвёртый выход.

Стёпа, заметив это, сделал замечание:

– С такими торопыгами сам торопиться начинаешь... Ну да ничего. Это корсачонок выбежал: ноздри у него не выдержали. А матёрые в норе.

И он не ошибся. Не прошло и двух-трёх минут дымления, как в сетке оказалось сразу два корсака.

Стёпа молниеносно скрутил их там и крикнул мне:

– Давай их живьём в мешок!

Я помог ему скрученных и запутавшихся в сетке корсаков положить в мешок и туго свернуть его, так, чтобы звери лишились возможности двигаться. Пока мы этим занимались, из норы, освободившейся от сетки, выбежали ещё три корсака: матёрые и корсачонок. Стёпа ударил себя кулаком по лбу.

– Так тебе и надо, старый дурак! – сказал он себе, видимо повторяя слова деда. – Не заступил нору... И всё ты, Фёдор! – напустился он на меня. – Вам, городским, только двустволками в чайк пулять, а не то чтобы зверя брать...

Корсаков, не заходя в деревню, мы доставили на станцию, где сдали их живьём.

Сдавая, Стёпа сказал:

– Мне ситцем, а ему шапкой рассчитывайтесь.

За живых корсаков уплатили вдвое. Зверьков посадили в клетку вместе с тремя другими, сказав, что теперь их можно отправлять в Омск, какому-то учреждению со странным названием «Живзверзагот».

Я получил хороший корсачий треушок. Мне ещё причиталась «сдача»: ситцем, нитками, чаем, керосином – чем я пожелаю. От «сдачи» я отказался и попросил приплюсовать её к доле наибольшего зверолова, но тот сказал на это:

– Уговор был у нас – йсполу. Исполу и получай.

Тогда, чтобы не обижать моего дружка-товарища, я выбрал себе цветной шарф, и мне ещё дали катушку ниток. Стёпа взял только ситец. Когда ему намерили положенное, он попросил на бумажке написать, «во сколь ценили корсаков и сколько и почём намерили ситцу».

Продавец исполнил это и, попрощавшись со Стёпой за руку, сказал:

– Если что, Стёпа, будет опять – отоварим по твоему усмотрению.

– Бывайте здоровы! – помахал рукой Стёпа, взваливая мешок с ситцем за плечи.

Когда мы пришли в Карасинскую, Стёпа деловито положил мешок перед матерью и сказал:

– Ситчишко, маманя, тебе на платье и свекровке на юбку.

– Спасибо тебе, родимец, – целовала его старуха, – за то, что ты свекровку-колотовку не забываешь!

Когда сели ужинать, Степан попросил «испить с устатку» жбан браги. Мать поставила брагу. Он отхлебнул глоток и сделал замечание:

– Беда, какая ядрёная! Для меня пожиже надо варить да сахару класть.

– О чём разговор! – согласилась бабушка. – Сказано – сделано.

Об охоте Стёпа не начинал разговора первым. Это могло выглядеть несолидно. И лишь когда вернувшийся с заимки отец спросил его: «Как зверовали, мужики?» – Стёпа скупно рассказал об охоте, не роняя моего достоинства, а даже похвалил меня:

– Из Фёдора будет толк. Может...

Взрослые переглянулись, не обронив, однако, ни единой усмешки.

Перед сном мать мыла Стёпу в корыте на кухне. Стёпа капризничал, скандалил. Жаловался на мыло, которое ему ест глаза. Потом ему велели выпить кружку парного молока и уложили спать.

Толковый мальчик

Из всех дедушкиных былей-небылей Миша больше всего любил рассказ про хмельную вишню. Рассказ про то, как жадная мельничиха, чтобы не выбрасывать вишню, на которой настаивала настойку, решила скормить ягоды уткам. И как утки съели эти хмельные ягоды и повалились вверх лапками.

Очень смеялся Миша, когда жадная мельничиха хмельных уток приняла за дохлых и ощипала их до перышка, чтобы добро не пропадало.

Ещё громче хохотал Миша над концом рассказа, когда голые, ощипанные утки в себя пришли. Ожили. На ноги поднялись, и мельничиха на всю улицу выла: уток жалела.

И дед хохотал, рассказывая внуку эту смешную байку.

А внук вдруг задумался и сказал:

– А что, дедушка, если лесную птицу хмельными ягодами накормить... Бери тогда больших тетеревов без ружья.

Дед вначале посмеялся над внуковой выдумкой, а потом задумался. И было над чем.

В тайге зимой тетерева держатся стайками. Голодные птицы падки на всякую пищу. И если насыпать тетеревам хмельных можжевельных ягод, брусники, черники и всего того, чем они кормятся, может быть, и в самом деле без ружья можно будет птицу добывать.

Поразмыслил дед над внуковой подсказкой и принялся настаивать хмельные ягоды. Хоть и не верил дед в эту хитрость, а отчего не попробовать, внука не потешить.

Настоял дед множество ягод. Чуть не целое лукошко их наморозил. Отправился с внуком в тайгу на тетеревиное место. Поставил кормушечку в виде столика, насыпал на стол хмельное угощение и был таков.

– Вечером, внук, придём. Посмотрим, что будет.

Пришёл Миша с дедом под вечерок. Крадутся к полянке. Видят: по кормушке большущий тетерев ходит. Пошатывается.

– Не спугнуть бы, – предупреждает дед.

Какое там! Тетерев себя не помнит – никого не видит. Бормочет, как пьяный дурак. Бери и клади его в мешок.

Так и сделали.

– А корм где? – спрашивает дед. – Неужто всё лукошко ягод один съел?

Сказал так и видит: неподалёку от кормушки другой пьяненький тетерев валяется. А потом и третий...

Стали ходить вокруг хмельной привады и столько хмельных тетеревов набрали, что и мешок тесен оказался.

Чуть не в пляс пустился дед. И не столько добыче рад, сколько тому, что внук его, Миша, сообразительным, толковым мальчиком растёт. А это всего дороже.

Дорого было и то, что не для гибели внук заполучил столько тетеревов, а для пользы оскудевших дикой царь-птицей лесов. На другой день приехали из птичьей переселенской конторы и спрашивают:

– Ну как, Мишенька, протрезвели твои крылатые забулдыги?

– В полной исправности, – отвечает вместо Миши дед. – Только я им для опохмелки ещё винной брусники подсыпал, сонными-то им легче будет в клетках дальнюю дорогу перенести. И не почувят, как за тысячи вёрст окажутся и дальний лес за свой родной примут. Примут и птенцов высидят. А птенцы-то, – шутит дед, – подрастут и постоянную прописку получат: тульскую, брянскую, московскую, питерскую... Одним словом, ту, куда умчат их на «Ту»...

Счастливый Миша получил за бескровную охоту что положено и хороший сон увидел. Тетерев к нему прилетел и пробормотал, на спинке стула сидючи:

– Спасибо тебе, Михаил Семёнович, за то, что ты меня без моего испуга взял, страху не нагнал в меня и в богатый кормом лес переселил... За это жалую тебе почётный значок на школьную курточку...

Удивительного в том нет, что тетерев во сне Мишу значком за охрану природы наградил. Во сне всякое случается. Но то, что проснувшийся Миша на своей школьной курточке приколотый тетеревиной лапой значок за охрану природы увидел, это уж ни в какие ворота не лезет, если не считать, что у внука дед был, который умел всякие и разные сны показывать и своего Мишеньку похожим на себя растить... Добрым, умным, толковым мальчиком...

Разные цветы

Ромаше Ваганову до всего было дело. Он всё принимал близко к сердцу. Всюду старался приложить свои руки.

На его глазах вырос посёлок Никитово. Он помнит, как в ковыльной степи закладывали первый дом. А теперь красуются три улицы да ещё намечаются две. Никитово будет маленьким совхозным городком. Так его можно назвать и теперь. В посёлке есть и школа и почта, два магазина, детский сад, но нет цветов. Почти нет. Нельзя же считать цветами долговязые мальвы да крошечные маргаритки, которые растут в двух-трёх палисадниках. Цветы – это розы, пионы, тюльпаны, георгины, нарциссы, флоксы и другие, которые так нарядно «цветут» на страницах книг о цветах и цветоводстве. Таких книг, надо сказать, в магазине посёлка было достаточно, а цветочных семян – ни пакетика. Наверно, магазину не до семян, потому что самые главные товары едва успевают завозить. Заведующий магазином прямо сказал:

– Не разорваться же мне...

Прав он, конечно. У него забот без цветочных семян достаточно, а всё-таки он своего милого племянника Стасика не забыл. Подарил ему семена. Разные. Стасик сам говорил об этом в школе. Стасик хоть и не плохой мальчишка, а любит похвастаться.

Конечно, Ромаша мог бы у Стасика Поливанова попросить семян, да как-то язык не повернулся. Не любит Стасик с другими делиться. Он не то чтобы жадненький, а какой-то чересчур бережливый. Мяч футбольный и тот жалеет, хотя одному никак нельзя даже в самый простой футбол играть. Хоть двоих, да надо: один мяч в ворота загоняет, а другой ворота защищает. Поэтому ребята в классе старались у Стасика ничего не просить. Махнул Ромаша рукой на Стасика и пошёл к дедушке. Дедушку тоже Романом звали. Сидят два Романа в натопленной кухне и совещаются о цветах. Совещались они, совещались, придумали разные ходы-выходы, а потом дед и говорит:

– Ромка, свет-то ведь не клином сошёлся. И неужели всё дело в Стаськины семена упёрлось? Мир-то ведь велик. Разве мало у нас народа живёт, которым некуда деть цветочные семена!

– Это верно, дедушка, – сказал Ромаша, – но ведь как узнаешь, у кого лишние семена есть.

– Да ведь ты грамотный человек, – говорит дед, – кликни клич, что, мол, так и так, в хорошем посёлке Никитово всё есть, а с цветами конфуз получается.

– А как я клич кликну, – спрашивает внук, – по радио?

– Можно и по радио, но через газету вернее. Все прочитают. И хоть один человек, да откликнется.

Долго сочинял Ромаша письмо. Дед в двое очков читал написанное. Исправлял. Советовал. Подсказывал. И наконец получилась короткая хорошая заметка. Ничего в ней ни у кого не просил Ромаша, а рассказывал то, что есть. Про новую школу, про электрическое освещение, про широкие улицы, про хорошие дома... Ничего не выдумал. Всему точное слово вместе с дедом нашёл, а потом перешёл на цветы. Не жаловался, а просто сказал: «Так уж случилось, что не до цветов пока было нам в молодом целинном посёлке Никитово. С другими делами еле справлялись». А потом в самом конце приписал:

«Хорошо бы, если бы кто-нибудь прислал нам хоть немного цветочных семян. Ни одному бы семечку пропасть не дали».

Подписал своё имя и фамилию Ромаша, указал адрес посёлка, перечитал написанное, проверил до запятой и послал заказным письмом в «Пионерскую правду».

А вдруг да в самом деле напечатают! А если не напечатают, то все равно напишут ответ и скажут, куда ему лучше всего обратиться. Время ещё терпит. За окном ещё метелицы метут, а снег и не думает таять.

Почти каждый день дед с внуком о письме вспоминают, дни считают, ответа ждут.

А потом, как это и бывает, забыли о письме. У Ромаши школьные дела. А у Романа Васильевича тем более прибавилось работы с приближением весны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.